

Нет у нас ни одного художника такого масштаба, который вызывал бы у любителей и профессионалов столь противоречивые чувства. У Ильи Глазунова масса недоброжелателей, в том числе и среди коллег. Но у него есть и огромная армия почитателей, тех, кто готов выстаивать многокилометровые очереди на его выставки. Мы в этом убедились в ходе организованной "МК" прямой телефонной линии Ильи Сергеевича с читателями газеты. Просим прощения у всех, чьи вопросы, поздравления и выражения благодарности художнику остались из-за нехватки места "за кадром". Но сразу скажем: Глазунов невероятно терпелив — и отвечая в десятый раз на вопросы, где увидеть его работы, когда откроется его галерея, и парируя атаки ярых критиков его творчества. Уже давно закончилось выделенное для прямой линии время, а звонки все шли и шли. "Ну ладно, вот этот — последний", — в очередной раз говорил Глазунов. Но мы-то знали, что для творца нет лучшего времяпрепровождения, чем общение со зрителем...

Выдающийся русский художник Илья ГЛАЗУНОВ: "Надеюсь прожить 100 лет"

Исповедь МОНАРХИСТА

— Здравствуйте, Илья Сергеевич! Вас беспокоит Вадим Чинков. Может быть, вы вспомните середину 80-х годов и небольшое дорожно-транспортное происшествие на Русаковской улице?
— Что-то такое было.
— Я тот инспектор, который вам оформлял протокол.
— Так вы чудесный человек, дай вам Бог здоровья.
— Все эти годы я вас считал своим крестным отцом, который отвел меня в мир искусства, зодчества...

— Меня зовут Игорь Петрович. Преклоняюсь перед вашим талантом. Я думаю, что в России только два великих художника. Это — вы и Александр Шилов.

— Хотя я и абсолютный антипод Шилова, но мне очень приятно, что вы выделяете именно двух. Но у нас есть и молодые — очень талантливые, они работают в Академии живописи, ваяния и зодчества: Михаил Шаньков, Иван Глазунов...

— Иван — это ваш сын?
— Да.
— Я вас поздравляю.

— Была на Дне открытых дверей академии, которую вы создали. Сейчас идет реставрация основного корпуса академии. Как скоро она закончится? Я знаю, что это уникальное здание XVIII века Баженова, и здесь было расположено училище живописи, ваяния и зодчества...

— Вы все знаете, и это очень приятно. К сожалению, у нас нет никакого спонсора. Первые деньги на восстановление дал еще Николай Николаевич Рыжков. А сейчас я должен выразить благодарность Михаилу Михайловичу Касьянову и Валентине Ивановне Матвиенко, которые выделили определенную сумму, на которую мы треть здания училища восстанавливаем. Академия же живописи, ваяния и зодчества действительно уже существует 11 лет. Мы придерживаемся императорской школы великого реализма и его строгой системы воспитания.

Еще хочу добавить, что постоянно получаю выговоры за то, что мы не берем деньги со студентов. Но пока я жив, мы не будем брать деньги.

— Меня зовут Ирина. Я сама рисую, мне 16 лет, и я заканчиваю в этом году художественную школу.

— Вы были на моей последней выставке?
— Я была в прошлом году на вашей выставке.

— Каждый день вы можете прийти в академию на Мясницкую, 21, потому что у нас скоро начинаются приемные экзамены. Экзамены у нас очень строгие. Никакого блага, никаких знакомых. Принимаем 15 человек. Желаю вам, если вы будете сдавать экзамены, оказаться в первой десятке. Я почему-то уверен в этом.

— Это Василий Иванович, москвич. Ездят ли ваши студенты на практику? В прошлые годы, насколько знаю, такое было.

— Все началось с Суриковского института, где я 16 лет назад возглавлял мастерскую портрета. Да, это было в новинку, в диковинку. Мы ездили не на заводы, не обрабатывали в колхозах производственную практику. Мы ездили в Эрмитаж, в Русский музей, ездили в Новгород и Псков... Такая же у нас практика до сих пор. Первый курс едет в Эрмитаж, чтобы почувствовать эту планку великого искусства, великого города, куда пешком шел Репин, Суриков, Ломоносов, где многие иностранцы учились.

— Марина Юрьевна, Суриковский институт. Я занимаюсь натурой. Хотела узнать: есть ли у вас проблемы с натурой? Вообще, какова ситуация?

— Знаете, никто сейчас не хочет за 10 рублей стоять голый. Раньше стояли девушки легкого поведения ради трудовой справки. А сейчас что будет за десять рублей стоять 40 минут, не двигаясь?..

— А у нас все в порядке, 120 человек натур — и очень красивые девушки. Мы оплачиваем 15 рублей в час плюс 25 процентов премии. — Так поделитесь опытом!

— Меня зовут Александр Сергеевич, здравствуйте! Ожидается ли ваша ближайшая выставка?

— У меня очень много новых работ. Сейчас я сделал около двух десятков композиций, пейзажей. Но чтобы организовать выставку, нужны спонсоры. К сожалению, ни один музей как в СССР, так и в так называемой демократической стране не показывает моих работ. Лишь в музей при Академии художеств три работы у меня взяли и повесили.

— Беспокоит Анна Яковлевна из Москвы. Я желаю вам больших успехов, чтобы все осуществилось и чтобы наше правительство помогло вам!
— Правительство помогает мало, к сожалению. Если вы знаете, я имел три крупных заказа в жизни. Первый мне дал Андрей Андреевич Громыко. Второй — когда меня пригласило ЮНЕСКО, а третий — меня пригласило Управление делами президента, чтобы возродить Кремль. Там были целые бетонные корпуса на месте взорванных соборов... Все, что вы видите на фоне Путина, — все сделано по моим эскизам. Сделано Бородиным и Столповских, которых я очень уважаю.

— Ястребов, профессор МГУ. Лучший художник XX века, можно сказать, гений, отмеченный ЮНЕСКО золотой медалью Пикассо за вклад в мировую культуру, почему-то постоянно испытывает унижение. До сих пор не могут открыть обещанную вам мэром Лужковым его галерею с постоянной выставкой!

— Это вопросы к мэру. Вначале мне дали одно помещение, потом — на Арбате и, наконец, — на Волхонке, 13. Три года назад я все свои работы подарил отечеству, Москве. Не удачные портреты, не приятные заказчиком, а подарил все, что сделал в жизни: "Мистерию XX века", "Венную Россию", "Достоевского" и много-много другого. Они оцениваются в миллионы долларов. Но они лежат у меня в подвале...

— А мы ждем. Всем университетским коллективом этот вопрос задаем!
— Вы всем факультетом поблагодарите Лужкова за желание сделать мою галерею. А когда сделают... Московская Дума сказала, что у нее нет денег. Мне предложили собирать деньги, как на памятник Минину и Пожарскому. Что ж, я буду под мостом с кружкой стоять?.. Я удивляюсь, что на таких певцов, как Киркоров, находят деньги, их поддерживают.

— Я студентка Гуманитарного института Татьяна Никитина. Вы так много повторяете слово "русский" — вам не кажется, что это работает совершенно в обратную сторону, это национализм с плохим знаком?..

— Во-первых, я горжусь тем, что я русский. Я не вижу в этом ничего плохого, если человек не забывает своих корней.

— Да, но газета "Завтра" тоже любит Россию...

— Я к газете "Завтра" не имею никакого отношения. Я всегда повторяю: русский — это тот, кто любит Россию. Например, Левитан был еврей, но он безумно любил Россию и выражал поэтический дух русской природы. Рерих — я его очень люблю. Моя жена была Бенуа. Сколько Бенуа сделали для России!.. Если говорить, что я русский, начинаю сразу: националист... Вы тоже русская. Вы обязаны любить меня, потому что я выражаю Россию в своих полотнах как могу.

— А как я вас могу любить, если вы с такой интенсивностью рисовали членов Политбюро — в "Мистерии XX века", например?..

— Уважаемая, вы совершенно не в материале. За эту картину меня высылали из СССР... А началось с того, что сделать портреты меня пригласил Феллини, затем — Висконти, Лоллобриджда, Индира Ганди. А потом Брежнев сказал, что я только буржуазную рисую: "Почему бы вам меня не нарисовать — у меня юбилей..." Но на самом деле мне наплевать, член ЦК он, шофер такси или рэкетир. Я отношусь к людям по их внутренним, душевным, духовным данным, а не, повторюсь, по группе крови.

— Я пенсионер. Никан не пойму, почему так сильно хвалят "Черный квадрат" Малевича?

— Мы с вами соизумки. Я тоже не пойму. Думаю, это делается потому, что он несет великую разрушительную силу. Если окуроч считать скульптурой, отлить его, даже из золота, и говорить, что это современное искусство — это делается с одной целью: чтобы Микеланджело или великая антика перестали быть искусством.

— Меня зовут Александр. Вы не могли бы посоветовать, что сегодня нужно читать молодежи и зрелым, кому за 50, что нравственно поднимет человека?
— В зависимости от того, кем хочет быть молодежь. Я бы начал с "Бесов" Достоевского и с его дневников за 1877 год. Потом Иванов — он написал книжку "Русская интеллигенция от Петра до наших дней". Много есть чудесных книг по истории: "История прибалтийских славян", "Сказание о русской земле"...

— Это сын говорит, Иван.

— Здравствуй, дорогой сын.

— Здравствуй, папа. Я понимаю всю странность общения с сыном через прямую линию газеты по телефону. Невольно чувствую себя почитателем твоего таланта, тогда надо на "вы" переходить и говорить о твоём творчестве. Но, говоря серьезно, я хочу в преддверии твоего дня рождения всенародно объявить, что я тебя люблю и душой за тебя болею. Когда тебе плохо, мне тоже плохо. И когда тебе хорошо, мне становится лучше. Я знаю, что ты тоже душой болеешь за меня и за мою сестру Веру.

— Это правда. Я тоже, пользуясь случаем, хочу сказать, несмотря на то, что ты мой сын: считаю тебя на сегодня лучшим религиозным художником России. Приглашаю всех посмотреть расписанный Иваном храм напротив консерватории. Горжусь тобой, что ты делишь свое время на две части: и главная из них — отдана студентам, потому что это наше будущее. Горжусь тем, что ты работаешь и не сгибаешься.

— Нина. Моему ребенку 10 лет, он очень хорошо рисует. Илья Сергеевич, скажите, где можно ему начать что-то пробовать?

— Мы бы мечтали открыть лицей, но поскольку мы "федералы", никто нам не помогает в этом. Помню, был один хороший лицей — бывшая средняя художественная школа при Институте Сурикова около Третьяковской галереи. Не знаю, как там сей-

час. Есть частные, но чему там учат, тоже не знаю. Детей нужно учить строго. А теперь поощряется самовыражение. Ребенок нарисовал у мамы один глаз оранжевый, а другой зеленый. "Ай, какой талант! Он увидел по-своему!" А это значит, что переключаются все пути для роста человека, для мастерства. Это то же самое, как в музыкальной школе дали бы право молодому музыканту переименовывать Моцарта или Рахманинова. Когда ваш ребенок подрастет — приходите к нам.

— Игорь Штальман. Восхищен вашими женскими портретами. А как вы относитесь к женщинам?

— Дорогой Игорь, мы с вами можем разделить точку зрения Шалапина, который сказал: "Лучшее, что я сделал в жизни, — во имя и ради женщины". Без женщин жизнь мрачна и пуста. Мне не нравится то, что сейчас происходит. Когда едут наши политики на саммит, русское слово "встреча" их уже не устраивает. Мы видим в Москве быстро, маркетинг, рейтинг, мы превращаемся в колонию. И женщин в советское время заставляли грузить асфальт на улице. И мужчины проходили мимо. Сегодня мы смотрим равнодушно, как стоят толпы красавиц-проститутток, наш генофонд. Их увозят в арабские республики, в Турцию. Сегодня, когда женщин называют "телками", — это омерзительно. Женщина достойна высокой рыцарской любви. Со своей позиции дворянина я говорю о Женщинах во всех своих работах.

— Значит, вы, проще говоря, — бабник?
— Если я люблю гречневую кашу, вы скажете, что я обжора. Я люблю женщин, и, как говорил Александр Блок, я всю жизнь любил двух женщин. Одну — мою жену и остальных, всех вместе взятых. Мою жену убили, а остальные все вместе остались.

— А наверное, нескромно задавать вопрос: сколько в вашей жизни было женщин?
— Скажу честно, я не считал. Судя по моим портретам, много. Начиная с Лоллобриджиды, Тани Самойловой... Вот недавно я делал портрет одной красивой девочки.

— А были ли у вас обломы с женщинами?
— Облом — это что? Переведите, пожалуйста.

— То есть вам женщина нравится, но она вам навстречу не идет.

— Это было очень часто, и иногда я думал, что никому не нужен. Я всегда влюблялся и был настолько робок, что не умел ни подойти, ни объясниться. И только через несколько лет, когда я их встречал, они говорили: "А ведь я в тебя была тоже влюблена".

— Низкий поклон вам за ваше искусство, за любовь к нашей Родине, к Руси. Скажите, дохристианская Русь вас интересует?

— Еще как интересует.

— Ваше имя, ваши заслуги помогли бы нам возродить историю дохристианской Руси.

— Это должны делать историки. Но у нас нет историков, потому что они придерживаются марксистской порочной теории, что история есть борьба классов. И потому дохристианская Россия, как и дохристианская Греция, Франция, должны изучаться заново. Очень много глупостей написано про арийцев Шилловым, однофамильцем художника. Я пишу книгу, полкниги будет посвящено этому вопросу.

— Здравствуйте, это Ирина Павловна Сагайдачная. Я преклоняюсь перед вашим талантом, я видела ваши картины, портреты блокадников.

— Я блокаду помню как вчера, хоть мне было 9 лет.

— Я очень хочу внести свою лепту в ваш фонд, но я не знаю, как это сделать. У меня есть две картины художника Курманоевского, он в 20-е годы писал, два пейзажа.

— Вы приходите в академию. Мясницкая, 21.

— Сергей Варваркин, художник-оформитель. Илья Сергеевич, не кажется ли вам, что творения Церетели безобразят Москву?

— Я могу сказать одно. Каждый художник имеет право выражать себя. Я лично восхищаюсь размахом Церетели, его внутренней силой таланта и тому, что он подчинил себе Москву. Я, например, не имею заказов от мэрии, от Министерства культуры. Он умеет подчинить ситуацию. Уходит цивилизация, народы, остаются произведения искусства. Когда-то папа Сикст выбрал Рафаэля, Микеланджело, и после него остался Ватикан. Он выбирал себе равных. Екатерина Великая выбрала Левицкого. Николай II — Серова. Ну а современные владыки выбирают других художников. Из них я могу назвать Шилова и Церетели. И это останется как символ нашей эпохи. А лично к нему как к человеку и как к скульптору я отношусь даже с восхищением. Так себе подчинить ситуацию может только большой человек.

— А как вы относитесь к современной архитектуре Москвы из бетона, стали и стекла?

— Это Корбюзье говорил: коробки, машины для жилья. Мне это чуждо, как Малевич, Кандинский. Архитектура должна быть закамнейшей музыкой, как говорил Гоголь.

— Светлана Рутберг. Хотелось бы знать ваши политические взгляды, какой партии вы симпатизируете, только конкретно, а не метафорически.

— А вы кто по профессии?

— Значит, вы народ. Это прекрасно. Ни к одной из существующих партий не отношусь положительно. Они от меня далеки, как планеты. Я по убеждениям монархист. Почему? Это самая древняя идея. Россия процветала при царях, и когда убили нашего монарха, все покатило в тартарары. Сегодня мы на руинах великой державы. Я не вижу ни одной партии.

Владимир Владимирович Путин впервые в демократическом болоте сказал: "За великую Россию". Я жду, изучаю в своем свисте и наблюдаю, что происходит на самом деле. Мы идем все ниже и ниже. Мне непонятно, когда кончится война в Чечне, непонятны передачи по телевидению. Я вижу, что сейчас все силы работают на разрушение. И невольно вспоминаю самого моего любимого политического деятеля — Столыпина: "Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия".

— Виктор Рагулин, пенсионер. Когда вы напишете вторую книгу?

— Как раз я этим занимаюсь. То, что вышло в "Роман-газете", меня не удовлетворяет. А это будет биография моей жизни, моего понимания истории, которая лежит в основе моих работ. Называется "Россия распятая", но после распятия следует воскресение.

— Когда вы ожидаете издать ее?

— Мечтал бы сдать рукопись через месяц. И так получается, что, наверное, будет два тома, а может быть, и три, потому что там личная жизнь, истории, встречи, поездки: от Лоллобриджиды, Висконти до Вьетнама, Никарагуа. Что такое творчество и во имя чего прошла моя жизнь. Знаете, я надеюсь прожить 100 лет.

Прямую линию подготовили
Марина ОВСОВА, Андрей ТУМАКИН.